

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МАЙ 2016 г. • № 5 (235) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Виктор ТОПОРОВ

ПЯТАЯ КОЛОННА ПОШЛОСТИ

Уже несколько лет проведение воинского парада в честь Дня Победы и неспешные приготовления к нему сопровождаются бурчанием радиоголосов, брзжанием печатных СМИ и беснованием в либеральной части Рунета. Параллельно с Парадом Победы проходит парад местечковой — по уровню мышления и способу самовыражения — пошлости. Взвзвеш на вооружение столетней давности шутку: во-первых, я твой горшок не брала; во-вторых, брала уже разбитый; а в-третьих, вернула целый.

Или, словами нынешних пошляков, во-первых, никакой Великой Отечественной войны не было — СССР во главе со Сталиным то ли сам напал, то ли вот-вот собирался напасть на гитлеровскую Германию; во-вторых, выиграл войну только потому, что безжалостно послал на смерть чуть ли не полстраны, да и выиграл не сам, а лишь с помощью союзников; а в-третьих, на самом деле мы войну не выиграли, а проиграли, потому что — после всех принесённых нами жертв — живём всё равно куда хуже немцев.

Да и вообще, выиграй Гитлер войну, мы бы пили баварское пиво не последние 20 лет, а последние 70.

В подтверждение всех этих (и многих родственных) тезисов нам непременно покажут по "ящику" пару-тройку фильмов — немецких или на немецкие деньги снятых, напомнят о миллионах (!) изнасилованных красноармейцами немках, помянут Катынь, забыв помянуть Хатынь, и посянут ещё немало столь же "разумного, доброго, вечного".

И плавно подведут нас к мысли о том, что армия у нас развалилась, но тем не менее мы по-прежнему представляем собой смертельную опасность для человечества. И лучше, конечно, было бы "отнять и поделить" не у российских скоробогачей (это как раз ни в коем случае), а саму Россию.

Трудно сказать, чего в подобных рассуждениях и умонастроениях (чаще всего принимающих откровенно пародийную форму) больше — глупости или подлости, а то и прямого предательства, — но совершенно очевидно, что такие высказывания прежде всего пошлы. По существу, к ежегодному параду в честь Дня Победы воровато прист-

Получил письмо от своего крепостника и замечательного поэта М. Я посылал ему случайно попавшую мне на глаза в плющикской кладовой интернетной фотографии, где он снят с товарищами у Союза писателей СССР (ну, а раз СССР, значит, уже лет три-

Валентин КУРБАТОВ Как зло и верно — "актуальной

"Под бременем познания и сомнения"

дцать назад). Я знал с этой фотографии троих и числил их в параллельных вселенных, не ведая об их знакомстве, а, может, и дружестве. Одного из них — Миши Поздняева — уже и нет на белом свете. "Мой" М. живёт в Белоруссии, другой товарищ с фотографии на Дальнем востоке — сведи-ка их на одной карточке и в одном сознании. Письмо было грустно:

"...все были згоистами... Трепачи себялюбивые, хотели пролезть вперед, но стали никем, ни одного гения или даже крепкого таланта, голоса поколения. Жаль. Никто никому ногтя не протянул. Такие добрые и одинокие люди пытались составить поколение и опору, да не очень вышло.

Как ни странно, всех вывело в люди горбачевское время, а после развала Союза всё потерялось.

Были собачьи бега. Ну, а мы те самые псы. Вот только ни одного настоящего лидера, и ничего вразумительного как ГОЛОСА ЭПОХИ. Так себе. Отпилились только степенью ненадточности.

А сегодня из того поколения все просто выживают, печатают всякие компиляционные книжки.

Такое странное поколение ТАК И НЕ ВЫСКАЗАВШИХСЯ. Все — дружка от дружки подальше — из-за какого-то соперничества и неприязни".

Легко было сразу закивать. Я вон тоже в последние годы всё ждал прорыва на Пушкинском празднике поэзии в Михайловском. А оканчивался Праздник, и опять было видно — нет, не прорвались. Нарочно вот сейчас сниму с полки книжки, остающиеся у меня после Праздника, как после отлива — не надо специально в библиотеку идти — по одной-то полке всё виднее. Первым даже и до того, как к полке повернешься, вспомнится покойный Гена Кононов из своих, псковских. Напишет в стихах свою обычную биографию, где всё как у всех:

Вот диплом мой и паспорт.
Возьми, полистай не спеша.
Все живых я живее.
И свет мой не сгинет во мраке.
Я не боюсь, господо,
Говорят, у меня есть душа.
Я плачу за жильё,
Состою в профсоюзе и браке.

А закончит с острой горечью:
Все сложилось о кей,
на пути моём мягко-пологом,
но — при этактом счастьее — боюсь,
не смогу подтвердить
своего бытия
после смерти пред Господом Богом.

И вот поколение-то! — словно через плечо ему из других лет загнать и подхватит строчку Борис Скотневский из Толыятти: "Всё о кей. Успеху — выше крыш. Лишь душа опять на самом дне". А перейдёт Борис через улицу и услы-

шит от своего товарища Виктора Стрельца: "Времена иные на коне — конкurentно улыбаются оне". А их третий товарищ из того же Толыятти, Владимир Мисюк, объяснит и причину: Умер Тряпкин. И Решетов умер. Удался пацан по фамилии Рыжий. Кушнер — star; Кублановский в Париже. Актуальной поэзии жижа Наползает во всю ширину.

Как зло и верно — "актуальной

"Под бременем познания и сомнения"

поэзии жижа". Если бы подхватить тем же Геной Кононовым, сказалось бы "сохраняясь в пределах освоенной роли без боли" и как приговор "Чёрной свечкой соорет мое поколение, как вода утекают года".

Не вышло "поколения". "Не высказавшиеся". Одна "степень начитанности". Хоть в столбик выписывай:

Когда бесправие царит
И зло угрюмо дышит в лица,
Боящихся не говорят,
А говорящий не боится.
Но есть и хуже времена —
Всеговорения как цели.
Такой свободе грош цена,
Как и словам на самом деле.

(Виктор Кирюшин)
О, сколько книг, о, сколько книг,
Стоящих чередой безыкой,
Не песнь, а безголосый крик
В сравненье с книгой той великой.

(Леонид Дранько-Мойсюк)
За страницей страницца,
За строкою строка.
Только букв вереница,
Только плоскость листа

Елена Тахо-Годи)
Нас уже не найти.
Мы спешим
раствориться в полночь,
Позабыв в темноте

и себя, и дорогу, и свет.
(Станислав Шрамко)
А наша боль — фиגня:
Игра сиячает краски.
Нам не прожить и дня
Без этой нашей маски...

(Андрей Бессонов)
Куда ни глянь — посуюбу словеса,
Они роятся в воздухе и в дыме.
Они звенят, тревожа небеса
Неверными окладами своими

...О, сколько хл! —
и skewрных, и святых
Я вывел подобно Моисею
Из тьмы черновиков, из запятых
В свободную, как рукопись Расею
(Александр Хабаров)

Из разных концов "Расей" и разных
лет и судьбы, а будто соседи по общезнанию.

* * *
И тут я ловлю себя на "приёме". Вижу, что тороплюсь подтвердить правоту своего товарища, что да, изговорились, но не выговорились, что то не печальничать, тот иронист, кто не иронист, тот притворщик. А голоса поколения нет.

Умны, усталы, непризнанны к времени. Хоть повторять за Лермонтовым: Печально я гляжу

на наше поколение,
его грядущее иль пусто, иль темно.
Под бременем познания и сомнения
в бездействии состарится оно.

Вот и они — в бездействии, потому что неплюдный ум, хотя бы и в послушной форме (а форма большинству лег-

ка) — всё только слова, слова, слова...

А потом оглядываюсь, о каком поколении писал Михаил Юрьевич, что эти "наши", томиящиеся "под бременем познания и сомнения" и ахаю: да ведь это Пушкин, Баратынский, Языков, Веневитинов, Батюшков... И, смутившись, бросаюсь перечитывать отложенные, было, книги. И, счастливый, с легким сердцем опровергаю себя. Выговорились! Выговорились! Да ещё как! Разве что не порознь. Это в целом времени целен и поэт, и он — зеркало во всё не-

бо. А когда вместо времени рассыпанный пазл, то и поэты вдребезги. Но, сложи эти осколки и увидишь, что и расколота жизнь — всё жизнь. И все отражения сложатся в неприглядную картину суетного дня, где эта внешняя "невывогоренность" и "отсутствие голоса поколения" и есть честное и вразумляющее свидетельство, что не поэты, а время сыпется "под бременем познания и сомнения".

Вот тут бы и привести примеры, как складывается небо из осколков зеркал. Да тут та тонкость, что зло и поражение легко подтвердить эффектной цитатой, а добро и правду надо подтверждать всем стихотворением. Злу довольно фрагмента, добро ищет контекста. И иногда, грешный человек, думаю иногда на том же Пушкинском празднике: да отчего они читают по стиху — по два: что тут успеешь разглядеть? Не вернее ли было бы позвать двух-трёх поэтов да научиться слушать (к сожалению, это золотое качество уходит сегодня в слушатели — некогда ему, всё подавай тотчас с первой строки!) и скоро мы бы с удивлением увидели, что мы не оставлены Богом и поэзией. Что Муза — всё терпеливая русская баба и не бросает своих бегущих за временем детей, а поперёк им договаривает свою правду до конца.

Мы-то можем бегать и отговариваться нехваткой времени, а Муза — всё дочь русской вечности, а не утренних новостей.

Мы потому и не узнали "выговорившейся" время, что ждали от него прежней формы, а оно пришло неузнанным.

Тут будь моя воля, я взял да и поместил всю книгу "Лазарева суббота" улетевшего из жизни Миши Поздняева, который улыбається со старой фотографии, словно говорит: "Вот сейчас вы услышите родное время", и читает свою блестящую комическую державинскую хватки "Оду на 35-ю годовщину послания В.В. Жириновского Л.И. Брежневу":

Лукавая толпа,
ну кто, скажи на милость,
в те гоы Л.И. Брежневу писал!
Ну, честный Сахаров,
ну, Солженицын храбрый,
ну, Евтушенко, не пойми какой.

Но что по тем листам,
как по паркету шваброй,
водило Жириновского рукой?
Он ведал: всяк skewрец

на том сидит сучочке,
кой выделит ему Теоретц,
но прав поэт

(из пятой снизу строчки)

skwрец в России

большее, чем skewрец.

И тут посреди комизма и озорства мелькнёт нежданно дорогая, как признание, нечаянная проговорка:

(окончание на стр.3)

Писатели Юрий Козлов, Владимир Бондаренко и Нина Сидур после выступления перед моряками крейсера "Азов", вернувшегося из Сирии

С 11 по 14 мая в городе русской военной славы Севастополе состоялся первый Международный фестиваль русской словесности, который так и назван был — "Точка сборки". Точка сборки Великой России, точка сборки великой русской литературы. Как сказал губернатор Севастополя Сергей Меняйло: "Подобного фестиваля ещё не было в Крыму и Севастополе..."

Главным организатором, неутомимым нашим и ведущим, и экскурсоводом, и вдохновителем был молодой и яркий писатель Платон Беседин, сам родом из Севастополя. Как он сказал: "Вот наша инициация чудом. Русская литература — наш аргумент на Страшном суде... Обрести русскость через традицию, через преемственность, через живое Слово. Делать это необходимо, конечно же, в Севастополе..."

На фестивале приехали писатели из семи стран: США, Франции, Сербии, Армении, Украины, Узбекистана, и, конечно же, России.

Команда писателей была подобрана на редкость удачно, ни одного пустого имени, среди них наш живой классик Анатолий Ким, признанные прозаики Юрий Козлов, Павел Крусанов, Алексей Варламов, Владислав Орошенко, Дмитрий Лекух, Юрий Милославский, Герман Садулаев и Александр Снегирев, детский писатель Юрий Нечипоренко, драматург Нина Садур, известные поэты Марина Кудимова, Елена Буевич, Игорь Караулов, Рифат Гумеров, критики и публицисты Рене Герра, Алексей Козырев, Александр Люсый, Владимир Бондаренко...

Каждый день был загружен до предела, по три-четыре круглых стола, встречи в библиотеках, дискуссии, творческие вечера, выступления на кораблях Черноморского флота, на крейсерах "Азов" и "Москва", недавно вернувшихся из Средиземного моря.

Кроме этого нас свозили в Балаклаву, в Военно-исторический музей, расположенный на ещё недавно крупнейшей и секретнейшей базе подводных лодок, на знаменитую тридцать пятую батарею, один из центров обороны Севастополя. Да и сам город был для нас как уникальный музей русской славы: Графская пристань, Памятник затонувшим кораблям, Приморский бульвар, Владимирский собор с усыпальницами четырех великих адмиралов — Лазарева, Корнилова, Нахимова и Истомина. Съездили мы и в Херсонес, откуда начиналась сама Россия, где принял крещение святой князь Владимир Красное солнышко. Осмотрели и древние античные развалины остатков Римской империи.

Уверен, Севастополь с неизбежностью станет не только нашим военно-морским центром, но и одним из центров русской культуры. И пусть кое-кто из либеральных писателей наших побойтся ехать в русский Крым и русский Севастополь — нечего им там делать, но для нашей национальной русской литературы это и на самом деле будет точка сборки новых сил, новых будущих литературных шедевров.

Вспомним слова адмирала Корнилова, сказанные им перед смертью от ядра неприятеля: "Отстаивайте же Севастополь!..."

Отстоим!

Владимир БОНДАРЕНКО

Огромная земля русская требует летописи, свидетельства, а главное любви, выраженной в сокровенном слове, где драгоценность — не тот или иной факт бытия, а вклад человеческой души, её раскрытие в жертвенной тяге к родному. Велико и недосягаемо святоотеческое наследие, но сейчас поведём речь о литературе земной, светской, тихим подмостерем глядящий на заоблачные белки духовного слова.

Тёплая и благодатная средне-русская равнина многогласно и соборно выговорилась голосами девятнадцатого века. Орловские, Тульские, Воронежские земли так напятили даль голосами Лескова, Толстого, Бунина, такой густоты настоль оставили в осенней воде дворянской литературы, что, когда приезжаешь, сквозёз будничных пропылённый облик, с трудом узнаёшь черты, выведенные когда-то по юной душе алмазным будто резцом.

Странным островом проплыл Санкт-Петербург, явив непостижимые образы Гоголя и Достоевского, сколь призрачные, столь зримые и великие. А Волга... Дон... Да каждая водная жила, каждая губерния Средней России так выражена в исповедном слове, что кажется ни к чему и братья за перо — всё уже сказано... А главное, задана планка.

Но как разговорились в двадцатом веке Вологодчина! С какой силой крестьянское слово прямой речью земли влилось в реку литературы и стало её фарватером, стремью, быстрью.

К Востоку слабейт наслоения слова, и не столь тошнотават литературные грунты, сколь меньше городов и гуще леса. Просторней дышитесь сочинителю, уже не толкающему локтем собрата, не чужющего под боком ревнивого дыхания. Щедро дарит Россия-Матушка ношу отвечать за край или область, как Аксаков и Даль за Оренбург, как Бажов за Урал.

А дальше за Камень?... Чем реже человечий скелет, чем безмерней, болотистей и солоней версты — тем дороже тепло очага, человечья близость. Пласты земной плоти отмежеваны речными телями будто в ослабление душе, в пощаду, чтоб удалось хоть как-то уложить-оприхотовать простор... Иртыш с Тоболом, Обь с Катугой и Бией... Солончаки, степи, тайги... А к Востоку за Батынь Енисеем и вовсе мерзлотный камень, скупой и суровый краж восстаёт в щетине тайги и так и тянется волнистым громадьем до края света...

И огромными материками простираются духовные миры, ухажья, как зовут ангарцы охотогоды. У каждого свой хранитель, своё отражение, своя пресветлая тень на литературном небосводе. Купол Шукшинской души как незримый берег над Алтаем... А за ним сердце России, невообразимый пласт Енисейской земли, почти четыре тысячи дымных горных верст от Монгольской границы до Диксона... И её то светлая, то горестная сень в причудливом дышащем слове — Виктор Петрович Астафьев... И наконец Байкал с бирюзовой Ангарой — уходящая туча, чей промысел только высвободился от земных путей и путиков, оставил незатянутой шов, то и дело стреляющий в сиротеющих душах.

Велика Сибирь, а берёзовые околки рассказов, кедрачи повесть всё как-то по югу лепятся. Где пообжигей Север с жемчужными Пусторанами Астафьевым обжигался вскором, но зато бригадно и честно осваивался норильскими писателями. И Эвенкия не смолчала, выплатила литературный

ясок народным словом тунгуса Алите-та Немтушкина.

Но это север... А великая почвенная литература всё-таки вызрела на более южных трактовых землях, где за четырёхста лет укоренилось русское крестьянство, протянулось жилами поморской речи, казачьих песен, сказов. Крепко отстроилось стайками, заплодами, избами с налечниками, среди которых есть домищи, рубленные с кедрином, распуценных поведоль. Глядишь

на них, и кажется, торцы углов набраны из полумесяцев, лунных доль. Так бревно к бревну уставлялся вековой уклад, боль за который и стала темой нашей почвенной литературы.

В подтвержденные обратим взор на восточные рубежи, на берег Тихого Океана. Здесь не так долго живут русичи, как в коренной Сибири, поэтому не нажила ещё Россия крестьянского назённого слоя, поименного, парного, где взрос бы в один Богу известный день ли, век чуткий к книжной мудрости мальчишка. Поэтому классики тут отметились по большей части экспедиционно: Пришвин, Чехов, Павел Васильев, или революционно, как Фадеев. Да Рытхуэ, уехавший с Чукотки в Ленинград, и геолог Куваев. И наш современник Кузнецов-Тулянин, забывший пограничный стоб, геополитический репер в скалистый Кунашир.

И только верный месту, как пристойный зверь, неповторимый Владимир Клавдиевич в своей первопроходческой литературе так и остался бесменным символом-хранителем Приморья.

Читатель, пыток следящий над нашим подоблачным лётном, уже сплхвачился:

— Ясно: Хабаровский край, Приморье, Сахалин... Но, други, а где же Забайкалье и Амурская область?! Где пролётцы Верхнеудинск — Чита — Хабаровск? Как пропустили мы две тысячи семсот шестьдесят три родных километра, самых немислимых по красоте, суровости, завораживающей силе? Миновали заезжие дворы, не утопили дорожный глад в позных харчевнях, не оглядели долину Селенги с Омудёвой горы?

И впрямь кажется, будто перо наших классиков, омакнувшись в байкальскую священную синеву, настольно напиталось силою и увеличивало нарыск и размах строки, что чудно отброшенное к Тихому океану, застыло в недоумении: отчего для стольких пропущенных непостижимых территорий не хватило чернил?

Забайкалье, самая малоизвестная и малонаселённая окраина России, и в слове меньше всего представлено в литературной карте. Конечно, навсегда осталась и Черкасов, и Вишняков, и другие замечательные писатели, подвижники и хранители родного края, но, как ни крути, такой плотности великих имён, как в более западных улусах, здесь не найти...

А нарасно, потому что слишком уж мало знает читающий люд густонаселённого запада России о забайкальских краях. И многие москвичи или воронежцы слабо себе представляют не только Хилок, Чикой, Могочу и Магдагачи, а и не всегда знают, что лежит восточнее: Улан-Удэ или Чита, и что до революции Улан-Удэ звался Верхнеудинском, будучи городищем русских порубежных казаков.

А полюбить бы русским всей православной душой труднейшие эти вёр-

сты, лишь недавно сшитые друг с другом асфальтом, эти сопки, поросшие чахлам и нежизненным для Восточной Сибири соснячком, степи, и в марте ярко желтеющие сквозь скудный снежок, приземистые избы, отвесные струйки дыма, меловые увалы

Озёрное чудо

Михаил ТАРКОВСКИЙ

в рельефных рёбрах...

Если бы вы знали, что это за земля и какие люди здесь живут! Что такое семейские староверы, попавшие сюда аж при Екатерине! Что такое степь с бурятскими чабанами, рыжие лохматые коровкины, возлежащие на федеральной трассе М-58, меж которыми пробираются со стороны восхода пыльные праворули с загорелыми перегонами за баранками. И встают в Тарбагатае в заезжам дворе "У семейских", где хозяйка всё никак не утихомирит гавкого кобелька Мишку, и под утро не дающего спать путникам.

"Где ж та деревня?"... Далёко, Имя её "Тарбагатай",

Страшная глушь, за Байкалом...

Так-то, голубчик ты мой, — так заглязено воспел этот посёлок Некрасов в поэме "Дедушка".

... Так постепенно в полвека

Вырос огромный посад —

Воля и труд человека

Дивные дымы творят...

Воистину дивные... Земля, завораживающая путника, очарованно пропускающая сквозь душу гривы сопки с соснячком и листвянком, борт склона, что скально ощерился на трассу, разлом реки с шивёрами и порогами, степи, утигивающие взгляд нераскрытой своей тайной, озера, стеклянно замирающие в морозную ночь. Гулко, раскатно и стонко гукающие свежим льдом, пронзаясь стрелами серебряных трещин. Трудная земля, требующая служения. Трудные жизни, воистину — судьбы, проколевшие, выбившие на морозе, выдутые ветрами, выжженные солнцем, правые трудовой правотой, многовековой крепостью...

Как они требуют любви! Да вот кто бы выразил! Кто бы возлюбил эту землю в слове, как Астафьев Енисей!

Уже разорили хозяйство, позакрывали заводы, посокращали армию, оголяя границу и в без того трудном округе... Только Транссиб ниткой связывает и держит посёлки, и вечный гуд поездов мешается с летним шумом ветра в листве...

Не то поезд шумит, не то деревья мнут, мнутоса у тайне этой земли и трудовом её человеке...

Плохо спится на многосежном Енисее, когда знаешь, как зябко забайкальской земле под тонким снежком, как зябко ей под губительским нерадением... Да и самому Батюшке-Анисею не заспать заботу: то Ангара напешет, принесёт последний сказ с Байкала, где вода упала, да так, как и старики не упомнят, то селенгинская водича выплется из многоструйного речного тупова, расскажет, как по берегам восточного брата Амазара китайцы лес пластают...

Ау, даль! Слышишь, как ворочается Батюшка-Анисей? Как стрелил двухметровым локтем, катанул морозное эхо к Тихому океану. Вот и мой крик приблизился к нему. Уцепился за зудкий полоз...

(окончание на стр.3)